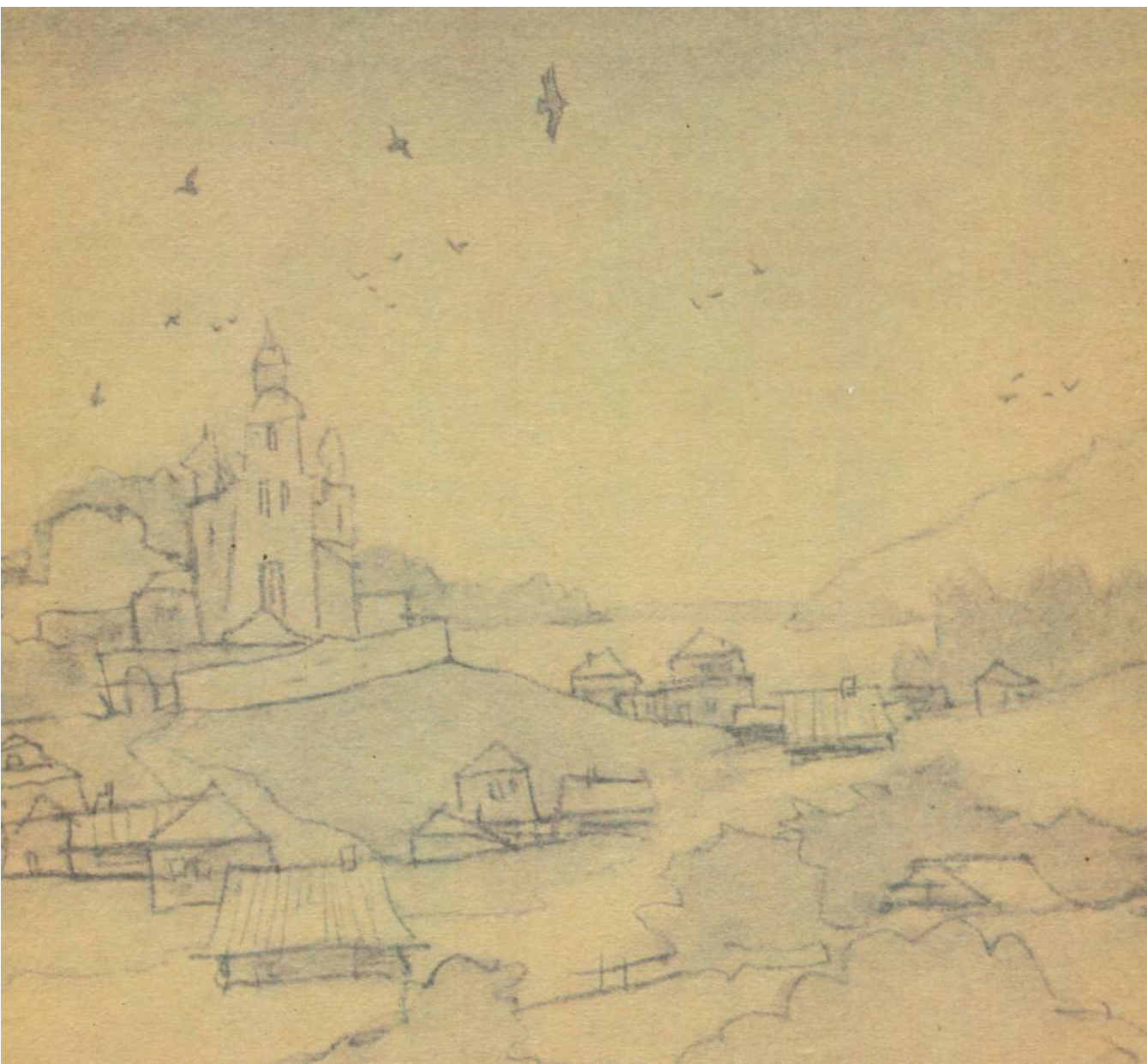

Д. Н. Мамин - Сибиряк

ВЕРТЕЛ

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2013г

Д.Н. Мамин - Сибиряк

ВЕРТЕЛ

*Рисунки
А. Белюкина*

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1983

84P1
M22

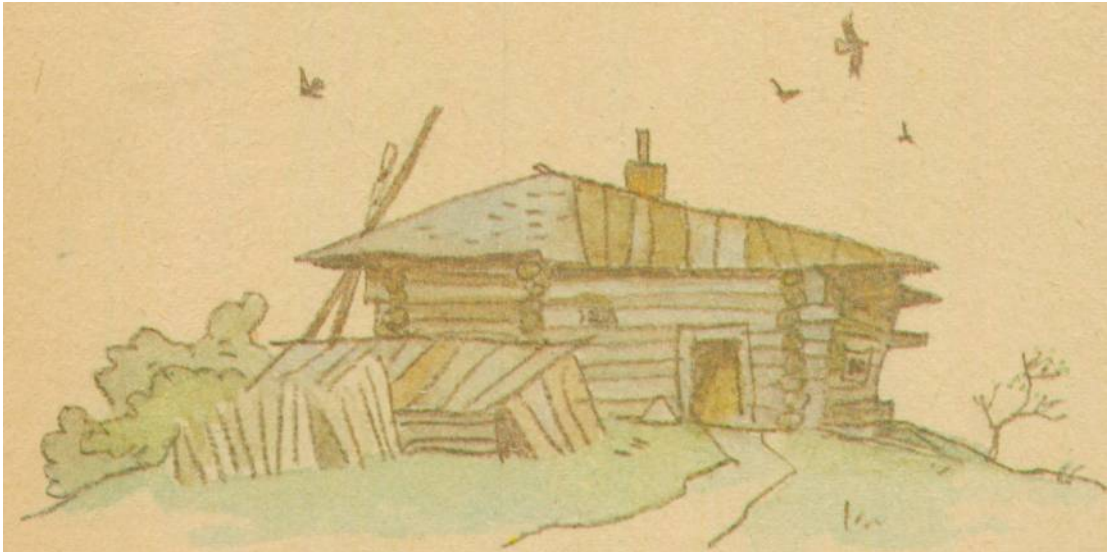
Мамин-Сибиряк Д. Н.
M22 Вертел: [Рассказ] / Рис. А. Белюкина.— Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1983.— 24 с.— (Для мл. школьного возраста).

Рассказ известного русского писателя конца XIX—начала XX века повествует о тяжёлой судьбе мальчика-бедняка, лишённого радостей детства.

70301
61-83

84 P1

(& Приволжское книжное издательство, 1983 г.

i

. Летнее яркое солнце врвалось в открытое окно, освещая мастерскую со всем её убожеством, за исключением одного тёмного угла, где работал Прошка. Солнце точно его забыло, как иногда матери оставляют маленьких детей без всякого призора. Прошка, только вытянув шею, мог видеть из-за широкой деревянной рамы своего колеса всего один уголок окна, в котором точно были нарисованы зелёные грядки огорода, за ними — блестящая полоска реки, а в ней — вечно купающаяся городская детвора. В раскрытое окно доносился крик купающихся, грохот катившихся по берегу реки тяжело нагружённых телег, далёкий перезвон монастырских колоколов и отчаянное карканье галок, перелетавших с крыши на крышу городского предместья Тербиловки.

Мастерская состояла всего из одной комнаты, в которой работали пять человек. Раньше здесь была баня, и до сих пор ещё чувствовалась банная сырость, особенно в том углу, где, как паук, работал Прошка. У самого окна стоял деревянный верстак с тремя кругами, на которых шлифовались драгоценные камни. Ближе всех к свету сидел старик Ермилыч, работавший в очках. Он считался одним из лучших гранильщиков в Екатеринбурге¹, но начинал с каждым годом видеть всё хуже. Ермилыч работал, откинув немного назад голову, и Прошке была видна только его борода, какого-то мочального цвета. Во время работы Ермилыч любил рассуждать вслух, причём без конца бранил хозяина мастерской, Ухова.

— Плут он, Алексей-то Иваныч, вот что,— повторял старик каким-то сухим голосом, точно у него присохло в горле.— Морит он нас, как тараканов. Да... И работой морит, и едой морит. Чем он нас кормит? Пустые щи да каша — вот и вся еда. А какая работа, ежели у человека в серёдке пусто... Небось сам-то Алексей Иваныч раз пять в день чаю напьётся. Дома два раза пьёт, а потом ещё в гости уйдёт и там пьёт... И какой плут: обедает вместе с нами да ещё похваливает... Это он для отводу глаз, чтобы мы не роптали. А сам, наверно, ещё пообедает на особицу.

Эти рассуждения заканчивались каждый раз так:

— Уйду я от него, вот и конец делу. Будет, одиннадцать годиков поработал на Алексея Иваныча. Довольно... А работы сколько угодно... Сделай милость, кланяться не будем.

Работавший рядом с Ермилычем чахоточный мастер Игнатий обыкновенно молчал. Это был угрюмый человек, не любивший даром терять слова. Зато подмастерье Спирька, молодой, бойкий парень, шеголявший в красных кумачовых рубахах, любил подзадорить дедушку, как называли рабочие старика Ермилыча.

— И плут же он, 'Алексей-то Иваныч, — говорил Спирька, подмигивая Игнатию.— Мы-то чахнем на его работе, а он плутует. Целый день только и делает, что ходит по городу да обманывает, кто попроще. Помнишь, дедушка, как он стекло продал барыне в проезжающих номерах?² И ещё говорит: «Сам всё работаю, своими руками...»

— И ещё какой плут! — соглашался Ермилыч.— В прошлом году вот как ловко подменил аметист проезжающему барину. Тот ему дал поправить камень, потому грань притупилась и царапины были. Я и поправлял ещё... Камень был отличный... Вот он его себе и оставил, а проезжающему-то барину другой всучил... Известно, господа ничего не понимают, что к чему.

¹ Е к а т е р и н б у р г — нынешний Свердловск; действие рассказа происходит задолго до Октябрьской революции.

² П р о е з ж а ю щ и е н о м е р а (неправильное выражение) — гостиница.

Четвёртый рабочий, Лёвка, немой от рождения, не мог принимать участия в этих разговорах и только мычал, когда Ермилыч знаками объяснял ему, какой плут их хозяин.

Сам Ухов заглядывал в свою мастерскую только рано утром, когда раздавал работу, да вечером, когда принимал готовые камни. Исключение представляли те случаи, когда попадала какая-нибудь срочная работа. Тогда Алексей Иваныч забегал по десяти раз, чтобы торопить рабочих. Ермилыч не мог терпеть такой срочной работы и каждый раз ворчал.

Всего смешнее было, когда Алексей Иваныч приходил в мастерскую, одетый, как мастеровой, в стареньком пиджаке, в замазанном жёлтыми пятнами наждака переднике. Это значило, что кто-нибудь придёт в мастерскую, какой-нибудь выгодный заказчик или любопытный проезжающий. Алексей Иваныч походил на голодную лису: длинный, худой, лысый, с торчавшими щетиной рыжими усами и беспокойно бегавшими бесцветными глазами. У него были такие длинные руки, точно природа создала его специально для воровства. И как ловко он умел говорить с покупателями! А уж показать драгоценный камень никто лучше не умел. Обычно покупатель разглядывал какую-нибудь трещину или другой порок только дома. Иногда обманутые являлись в мастерскую и получали один и тот же ответ,— именно, что Алексей Иваныч куда-то уехал.

— Как же это так,— удивлялся покупатель,— камень никуда не годится...

— Мы ничего не знаем, барин,— отвечал за всех Ермилыч.— Наше дело маленькое...

Все рабочие обыкновенно покатывались со смеху, когда одуроченный покупатель уходил.

— А ты смотри хорошенько,— наставительно замечал Ермилыч, косвенно защищая хозяина,— на то у тебя глаза есть... Алексей-то Иваныч выучит.

Всех больше злорадствовал Спирька, хохотавший до слёз. Всё-таки развлечение, а то сиди день-деньской за верстаком, как пришитый. Да и господ жалеть нечего: дикие у них деньги,— вот и швыряют их.

Работа в мастерской распределялась таким образом. Сырые камни сортировал Ермилыч, а потом передавал Лёвке «околотать», то есть обколоть железным молотком так, чтобы можно было гранить. Это считалось чёрной работой, и только самые дорогие камни, как изумруд, околотывал Ермилыч сам. Околтанные Лёвкой камни поступали к Спирьке, который обтачивал их начерно. Игнатий уже клал фасетки (границы), а Ермилыч поправлял ещё раз и полировал. В результате получались играющие разными цветами драгоценные и полудрагоценные камни: изумруды, хризолиты, аквамарины, тяжеловесы (благородный топаз), аметисты, а больше всего раух-топазы (дымчатого

цвета горный хрусталь) и просто горный бесцветный хрусталь. Изредка попадали и другие камни, как рубины и сапфиры, которые Ермилыч называл «зубастыми», потому что они были твёрже всех остальных. Аметисты Ермилыч называл архиерейским камнем. Старик относился к камням, как к чему-то живому, и даже сердился на некоторые из них, как, например, на хризолиты.

— Это какой камень? Прямо сказать, враг наш, — ворчал он, пересыпая на руке блестящие изумрудно-зелёные зёрна. — Всякий другой камень мокрым наждаком точится, а этому подавай сухой. Вот как наглотаешься пыли-то... Одна маета!

Большие камни точили прямо рукой, нажимая камнем на вертевшийся круг, а мелкие предварительно прилеплялись особой мастикой к деревянной ручке. Во время работы вертевшийся круг постоянно смачивался наждаком. Наждак — порода корунда, которую для гранения и шлифования превращают в мельчайший порошок. При работе высохший наждак носится мелкой пылью в воздухе, и рабочие дышат этой пылью, засоряя лёгкие и портя глаза. Благодаря именно этой наждачной пыли большинство рабочих-гранильщиков страдают грудными болезнями и рано теряют зрение. Прибавьте к этому ещё то, что работать приходится в тесных помещениях, без всякой вентиляции, как у Алексея Иваныча.

— Тесновато, да... — говорил сам Ухов. — Ужо новую мастерскую выстрою, как только поправлюсь с делами.

Год шёл за годом, а дела Алексея Иваныча всё не поправлялись. Относительно пищи повторялось то же самое. Алексей Иваныч сам иногда возмущался обедом своих рабочих и говорил:

— Какой это обед? Разве такие обеды бывают?.. Вот только поправлюсь с делами, тогда всё повернём по-настоящему.

Алексей Иваныч никогда не спорил, не горячился, а соглашался со всеми и делал по-своему. Даже Ермилыч, как ни бранил хозяина за глаза, говорил:

— Ну и человек тоже уродился! Его, Алексея Иваныча, как живого налима, никак не ухватишь рукой... Глядишь, и вывернулся. А на словах-то, как гусь на воде... Он же ещё и жалеет нас... И тесно-то нам, и еда-то плохая... Ах, какой человек уродился!.. Одним словом, кругом плут!..

II

Солнце светило во все глаза, как оно светит только в июле. Было часов одиннадцать утра. Ермилыч сидел на самом припёке и наслаждался теплом. Его уже не грела старая кровь. Прошка думал целое утро об обеде. Он постоянно был голоден и жил только от еды до еды, как маленький, голодный зверёк. Он рано утром заглядывал в кухню и видел, что на столе лежал кусок «шеины» (самый дешёвый

сорт мяса, от шеи), и вперёд предвкушал удовольствие поесть шей с говядиной. Что может быть лучше таких шей, особенно когда жир покрывает варено слоюм чуть не в вершок, как от свинины... Сейчас, летом, свинина дорога, и это удовольствие доступно только зимой, когда привозят в город мороженую свинину и Алексей Иваныч покупает целую тушу. Хороша и шеина, если хозяйка не разбавит щи водой.

От этих мыслей у Прошки щемило в желудке, и он глотал голодную слюну. Если бы можно было наесться досыта каждый день!..

Прошка вертел своё колесо, закрыв глаза. Он часто так делал, когда мечтал. Но его мысли сегодня были нарушены неожиданным появлением Алексея Иваныча. Это значило, что кто-то придёт в мастерскую и что придётся ждать обеда. Алексей Иваныч нарядился в свой рабочий костюм и озобоченно посмотрел кругом.

— Этакая грязь...— думал он вслух.— И откуда только она берётся. Хуже, чем в конюшне... Спирька, хоть бы ты прибрал что-нибудь.

Спирька с недоумением посмотрел кругом. Если убирать, так надо всю мастерскую разнести по брёвнышку... Он всё-таки перенёс из одного угла в другой несколько тяжёлых камней, валявшихся в мастерской без всякой надобности. Этим всё и кончилось. Алексей Иваныч только покачал головой и проговорил:

— Ну и мастерская, нечего сказать. Только свиней держать.

Время подошло к самому обеду, когда у ворот уховского дома остановился щегольской экипаж и из него вышла нарядная дама с двумя детьми: девочкой лет двенадцати и мальчиком лет десяти. Алексей Иваныч выскочил встречать дорогих гостей за ворота без шапки и всё время кланялся.

— Уж вы извините, сударыня... Грязновато будет в мастерской, а камушки вы можете посмотреть у меня в доме.

— Нет, нет,— настойчиво повторяла дама.— Камни я могу купить и в магазине; а мне именно хочется посмотреть вашу мастерскую, то есть показать детям, как гранят камни.

— А, это другое дело. Милости просим...

Дама поморщилась, когда переступила порог уховской мастерской. Она никак не ожидала встретить такое убожество.

— Отчего у вас так грязно?

— Нам никак невозможно соблюдать чистоту,— объяснял Алексей Иваныч.— Известно, камень... Пыль, сор, грязь... Уж как стараемся, чтобы почище.

Эти объяснения, видимо, нисколько не убедили даму, которая брезгливо подобрала юбки, когда переходила от двери к верстаку." Она была такая ещё молодая и красивая, и уховская мастерская наполнилась запахом каких-то дорогих духов. Девочка походила на мать и тоже была хорошенькая. Она с любопытством слушала подробные

объяснения Алексея Иваныча и откровенно удивилась в конце концов тому, что из такой грязной мастерской выходят такие хорошенькие камушки...

— Да, барышня, случается,— объяснил Ермилыч,— и белый хлеб, который изволите кушать, на чёрной земле родится.

Алексей Иваныч прочитал целую лекцию о драгоценных камнях. Сначала показал их в сыром виде, а потом последовательную обработку.

— Прежде камней было больше,— объяснил он,— а теперь год от году всё меньше и меньше. Вот взять александрит,— его днём с огнём найщешься. А господа весьма его уважают, потому как он днём — зелёный, а при огне — красный. Разного сословия бывает, сударыня, камень, всё равно как бывают разные люди.

Мальчик совсем не интересовался камнями. Он не понимал, чем любят мать и сестра и чем хуже гранёные цветные стёкла. Его больше всего заняло деревянное большое колесо, которое вертел Прошка. Вот это штука, действительно, любопытная: такое большое колесо — и вертится. Мальчик незаметно пробрался в тёмный угол

к Прошке и с восхищением смотрел на блестящую железную ручку, которую вертел Прошка.

— Отчего она такая светлая?

— А от рук,— объяснил Прошка.

— Дай-ка я сам поверчу...

Прошка засмеялся, когда барчонок принялся вертеть колесо...

— Да это очень весело... А тебя как зовут?

— Прошкой.

— Какой ты смешной: точно из трубы вылез.

— Поработай-ка с моё, не так ещё почернеешь.

— Володя, ты это куда забрался! — удивилась дама.— Ещё ушибёшься...

— Мамочка, ужасно интересно!.. Отдай меня в мастерскую, я тоже вертел бы колесо. Очень весело... Вот смотри! И какая ручка светлая, точно отполированная. А Прошка походит на галчонок, который жил у нас. Настоящий галчонок...

Мать Володи заглянула в угол Прошки и только покачала головой.

— Какой он худенький,— пожалела она Прошку.— Он чем-нибудь болен?

— Нет, ничего, слава богу,— объяснил Алексей Иваныч.— Круглый сирота, ни отца, ни матери... Не от чего жиреть, сударыня. Отец умер от чахотки... Тоже мастер был по нашей части. У нас много от чахотки умирает...

— Значит, ему трудно?

— Нет, зачем трудно? Извольте сами попробовать... Колесо, почитай, само собой вертится.

— Но ведь он работает целый день.

— Обыкновенно...

— А когда утром начинаете работать?

— Не одинаково,— уклончиво объяснил Алексей Иваныч, не любивший таких расспросов.— Глядя по работе... В другой раз — часов с семи.

— А кончаете когда?

— Тоже не одинаково: в шесть часов, в семь, как случится.

Алексей Иваныч приврал самым бессовестным образом, убавив целых два часа работы.

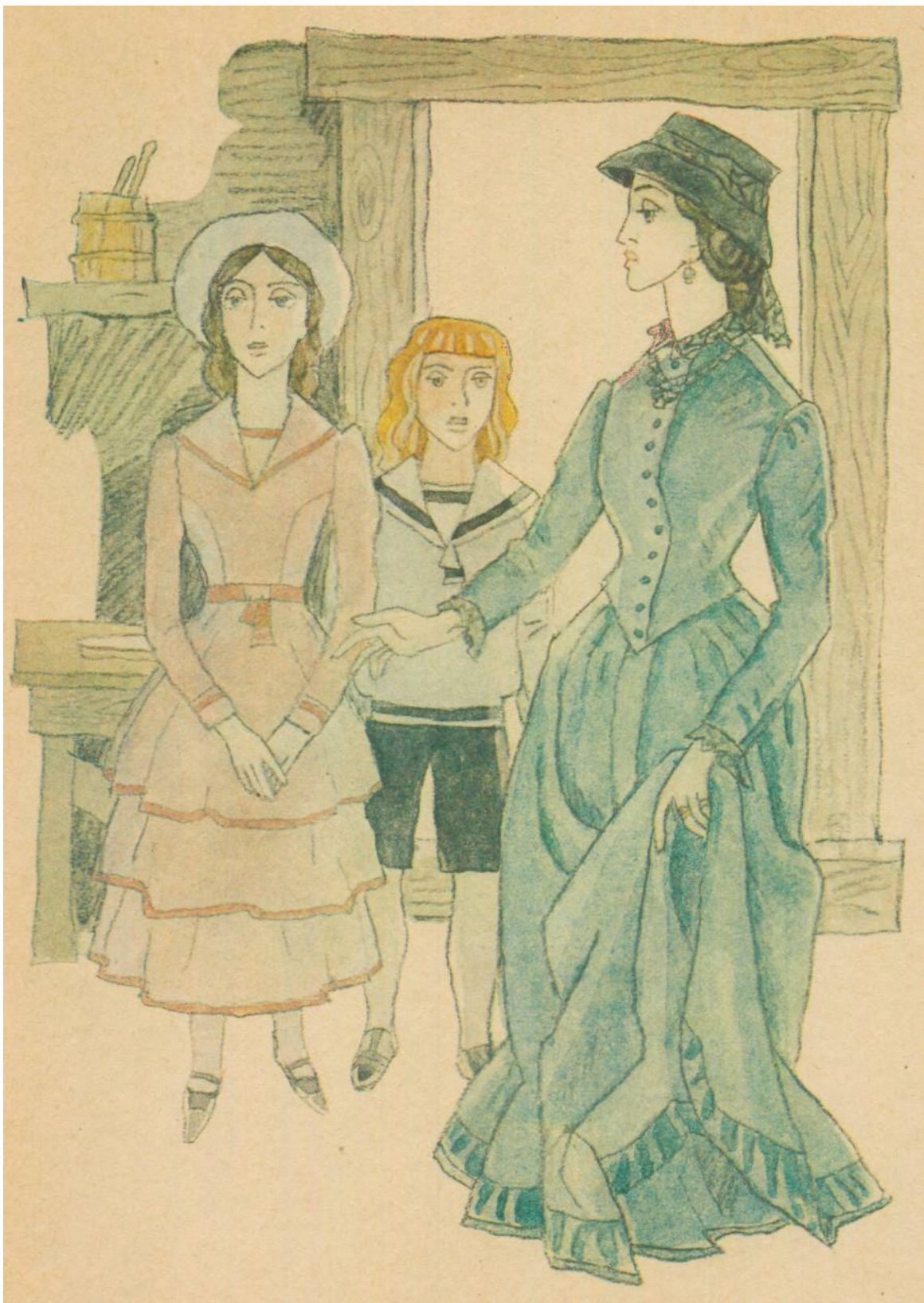
— А сколько вы жалованья платите вот этому Прошке?

— Помилуйте, сударыня, какое жалованье? Одеваю, обуваю, кормлю, всё себе в убыток. Так, из жалости держу сироту... Куда ему деться-то?

Дама заглянула в угол Прошки и только пожала плечами. Ведь это ужасно: целый день провести в таком углу и без конца вертеть колесо. Это какая-то маленькая каторга!

— Сколько ему лет? — спросила она.

— Двенадцать...

— А на вид ему нельзя дать больше девяти. Вероятно, вы плохо его кормите?

— Помилуйте, сударыня. Еда для всех у меня одинаковая. Я сам вместе с ними обедаю. Прямо сказать, в убыток себе кормлю; а только уж сердце у меня такое... Ничего не могу поделать, всех жалею, сударыня.

Барыня отобрала несколько камней и просила прислать их домой.

— Пошлите камни с этим мальчиком,— попросила она, указывая глазами на Прошку.

— Слушаю-с, сударыня.

Последнее желание не понравилось Алексею Иванычу. Эти барыни вечно что-нибудь придумают. К чему ей понадобился Прошка? Лучше он сам бы принёс камни. Но делать нечего,— с барыней разве сговоришься? Прошка так Прошка, пусть его идёт, а у колеса поработает Лёвка.

Когда барыня уехала, мастерская огласилась общим смехом.

— Духу только напустила,— ворчал Ермилыч.— Точно от мыла пахнет.

— Она и Прошку надушит,— соображал Спирька.— А Алексей Иваныч охулки на руку не положил: рубликов на пять её околпачил.

— Что ей пять рублей? Наплевать! — ворчал Ермилыч.— У барских денежек глаз нет... Вот и швыряют. Алексей-то Иванычу это на руку. Вот как распинался он перед барыней: соловьем так и поёт.

— Платье на ней шёлковое, часы золотые, колец сколько... Богатеющая барыня!

— Ну, это ещё неизвестно. Одна видимость в другой раз. Всякие господа бывают...

Дорогой маленький Володя объяснил матери, что Прошка «вертел».

— Что это значит? — не понимала та.

— А вертит колесо, ну, и вышел: вертел. Не вертел, мама, а в ё р т е л...

III

Бедного Прошку часто занимал вопрос о тех неизвестных людях, для которых он должен был с утра до ночи вертеть в своём углу колесо. Другие дети веселились, играли и пользовались свободой, а он был точно привязан к своему колесу. Прошка понимал, что у других детей есть отцы и матери, которые их берегут и жалеют; а он круглый сирота и должен сам зарабатывать свой маленький кусочек хлеба. Но ведь круглых сирот много на белом свете, и не все же должны вертеть колёса.

Сначала Прошка возненавидел своё колесо, потому что не будь

его, и не нужно было бы его вертеть. Это была совершенно детская мысль. Потом Прошка начал ненавидеть Алексея Иваныча, к которому его отдала в ученье тётка: Алексей Иваныч нарочно придумал это проклятое колесо, чтобы мучить его.

«Когда я вырасту большой,— раздумывал Прошка за работой,— тогда я отколочу Алексея Иваныча, изрублю топором проклятое колесо и убегу в лес».

Последняя мысль нравилась Прошке больше всего. Что может быть лучше леса? Ах, как там хорошо! Трава зелёная-зелёная, сосны шумят вершинами, из земли сочатся студёные ключики, всякая птица поёт по-своему,— умирать не нужно! Устроить из веток шалашик, разложить огонёк,— и живи себе, как птица. Пусть другие задыхаются в городах от пыли и вертят колёса... Прошка уже видел себя свободным, как птица.

«Убегу! — решал Прошка тысячу раз, точно с кем-нибудь спорил.— Даже и Алексея Иваныча не буду бить, а просто убегу».

Прошка думал целые дни,— вертит своё колесо и думает, думает без конца. Разговаривать за работой было неудобно, не то что другим мастерам. И Прошка всё время думал, думал до того, что начинал видеть свои мысли точно живыми. Видел он часто и самого себя, и

неприменно большим и здоровым, как Спирька. Ведь хорошо быть большим. Не понравилось у одного хозяина — пошёл работать к другому.

Ненависть к Алексею Иванычу тоже прошла, когда Прошка понял, что все хозяева одинаковы... Значит, виноваты те люди, которым нужны все эти аметисты, изумруды, тяжеловесы, — они и заставляли Прошку вертеть его колесо. Тут уж воображение Прошки отказывалось работать, и он никак не мог представить этих бесчисленных врагов, сливавшихся для него в одном слове «господа». Для него ясно было одно, что они злые. Для чего им эти камни, без которых так легко обойтись? Если бы господа не покупали камней у Алексея Иваныча, ему пришлось бы бросить свою мастерскую, — и только всего. А вон барыня ещё детей притащила... Действительно, есть чем полюбоваться... Прошка видел во сне эту барыню, у которой камни были и на руках, и на шее, и в ушах, и на голове. Он ненавидел её и даже сказал:

— У! злая...

Ему казалось, что и глаза у барыни светились, как светит шлифованный камень, — зелёные, злые, как у кошки ночью.

Никто из мастеров никак не мог понять, зачем понадобился барыне именно Прошка. Алексей Иваныч и сам бы пришёл да ещё подсунил бы товару рубликов на десять; а что может понимать Прошка?

— Блажь господская, и больше ничего! — ворчал Ермилыч.

Алексей Иваныч тоже был недоволен. Во-первых, нельзя было Прошку пустить по-домашнему, — значит, расход на рубаху; а во-вторых, кто её знает, барыню, что у неё на уме!

— Ты рыло-то вымой, — наказывал он Прошке ещё с вечера. — Понимаешь? А то придёшь к барыне чёрт чёртом...

Ввиду этих приготовлений Прошка начал труситься. Он даже пробовал увильнуть, сославшись на то, что у него болит нога. Алексей Иваныч рассвирепел и, показывая кулак, проговорил:

— Я тебе покажу, как ноги болят!..

Нужно сказать, что Алексей Иваныч никогда не дрался, как другие мастера, и очень редко бранился. Он обыкновенно со всеми соглашался, всё обещал и ничего не исполнял.

Прошка должен был идти утром, когда барыня пила кофе. Алексей Иваныч осмотрел Прошку, как новобранца, проговорил:

— А ты не робей, Прошка! И господа такие же люди, — из той же кожи сшиты, как и мы, грешные. Барыня заказала аметистов; а я тебе дам ещё парочку бериллов, да тяжеловесов, да альмандинов. Понимаешь? Надо уметь показать товар.

Алексей Иваныч научил, сколько нужно запросить, сколько уступить и меньше чего не отдавать. Барыня-то ещё, может, пожалеет мальчонку и купит.

Когда Прошка уходил, Алексей Иваныч остановил его в самых дверях и прибавил:

— Смотри, лишнего не разбалтывай... Понимаешь? Ежели будет барыня выпытывать насчёт еды и прочее... «Мы, мол, сударыня, серебряными ложками едим».

Прошке пришлось идти через весь город, и чем ближе он подходил к квартире барыни, тем ему делалось страшнее. Он и сам не знал, чего боялся, и всё-таки боялся. Робость охватила его окончательно, когда он увидел двухэтажный, большой казённый дом. В голове Прошки мелькнула даже мысль о бегстве. А что, если взять да и убежать в лес?

Скрепя сердце он пробрался в кухню и узнал, что барыня дома. Горничная в крахмальном белом переднике подозрительно оглядела его с ног до головы и нехотя пошла доложить «самой». Вместо неё прибежал в кухню Володя, одетый в коротенькую смешную курточку, коротенькие смешные штанишки, в чулки и башмаки.

— Пойдём, вертел!..— приглашал он Прошку.— Мама ждёт.

Они прошли по какому-то коридору, потом через столовую, а потом в детскую, где ждала сама барыня, одетая в широкое домашнее платье.

— Ну, показывай, что принёс! — проговорила она певучим, свежим голосом и, оглядев Прошку, прибавила: — Какой ты худенький! Настоящий цыплёнок.

Прошка с серьёзным видом достал товар и начал показывать камни. Он больше ничего уже не боялся. У барыни совсем был не злой вид. Расчёт Алексея Иваныча оправдался: она рассмотрела камни и «купила всё без торга. Прошка внутренне торжествовал, что так ловко надул барыню рубля на три. Ему было только неловко, что она всё время как-то особенно смотрела на него и улыбалась.

— Ты, наверно, хочешь есть? — проговорила она наконец.— Да?

Этот простой вопрос смутил Прошку, точно барыня угадала его тайные мысли. Когда он дождался в кухне, то там так хорошо пахло жареным мясом, и всё время его преследовал этот аппетитный запах.

— Я не знаю,— по-детски ответил он.

— Он хочет, мама! — подхватил Володя.— Я сейчас сбегая в кухню и скажу Матрёне, чтобы она дала котлетку.

Володя был добрый мальчик, и это радовало маму. Ведь самое главное в человеке — доброе сердце. Прошка чувствовал себя смущённым, как попавшийся в ловушку зверёк. Он молча разглядывал комнату и удивлялся, что бывают такие большие и светлые комнаты. У одной стены стоял шкаф с игрушками; кроме того, игрушки валялись на полу, стояли в углу, висели на стене. Тут были и детские ружья, и солдатская будка, и мельница, и лошадки, и домики, и книжки с картинками,— настоящий игрушечный магазин.

— Неужели всё это твои игрушки? — спросил Прошка Володю.
— Мои. Но я уж не играю, потому что большой. А у тебя тоже есть игрушки?

Прошка засмеялся. У него игрушки! Какой смешной этот барчонок: решительно ничего не понимает!

Подававшая в столовую котлету горничная смотрела на Прошку с удивлением. Этак барыня скоро будет собирать в дом всех нищих и кормить котлетами. Прошка это чувствовал и смотрел на горничную серьёзными глазами. Потом, его затрудняла вилка и салфетка, особенно — последняя. Пока он ел, барыня просто и ласково расспрашивала его обо всём: давно ли он в мастерской, много ли приходится работать, как кормит рабочих хозяин, что он делает по праздникам, знает ли грамоту и т. д.

— Вот видишь, Володя,— говорила она сыну,— этот мальчик уж с семи лет зарабатывает себе кусок хлеба... Прошка, а ты хочешь учиться?

— Не знаю...

— Хочешь приходить по воскресеньям к нам? Я тебя выучу читать и писать. Я поговорю об этом с Алексеем Ивановичем сама.

Прошка был озадачен. Домой он вернулся в старой курточке Володи, которая ему была даже широка в плечах, хотя Володя был моложе на целых два года. Барчук был такой рослый и закормленный. Рабочие посмеялись над ним, как смеялись над всеми, а хозяин похвалил:

— Молодец, Прошка! Когда в воскресенье пойдёшь, я тебе ещё дам товару...

IV

Прошка начал ходить учиться каждое воскресенье. В первое время, говоря правду, больше всего его привлекала возможность хорошенько поесть, как едят господа. А последнее было удивительно, удивительнее всего, что только Прошка видал. Мать Володи — ее звали Анной Ивановной — ужасно волновалась каждый раз, когда завтракали. Ей всё казалось, что Володя мало ест и что он нездоров. Сначала Прошка думал, что Анна Ивановна шутит; но Анна Ивановна говорила совершенно серьёзно:

— Мне кажется, Володя, что ты скоро решительно ничего не будешь есть. Посмотри на Прошку; вот какой аппетит нужно иметь.

— А отчего он такой худой, если ест много? — спорил Володя.

— Оттого, что он работает много, оттого, что в их мастерской буквально дышать нечем и так далее.

Володя был настоящий барчонок. По-своему добрый и всегда весёлый, увлекающийся и в достаточной мере бесхарактерный. Прошка рядом с ним казался существом другой породы. Анну Ивановну поражало, когда дети были вместе. Детские глаза Прошки смотрели уже совсем не по-детски; потом, он точно не умел улыбаться. В тощей фигурке Прошки точно был скрыт какой-то затаённый упрёк. Анне Ивановне иногда делалось даже немного совестно, — ведь она пригласила в первый раз Прошку только для того, чтобы показать Володе, что дети его возраста работают с утра до ночи. Прошка должен был служить живым и наглядным примером; а Володя должен был исправиться, глядя на него, от припадков своей барской лени.

В этих воспитательных целях Анна Ивановна несколько раз под разными предлогами посылала Володю в мастерскую Алексея Иваныча, чтобы он посмотрел на самом деле, как работает маленький Прошка. Володя отправлялся в мастерскую каждый раз с особенным удовольствием и возвращался домой весь испачканный наждаком. Результатом этих наглядных уроков было то, что Володя совершенно серьёзно заявил матери:

— Мама, отдай меня в мастерскую. Я хочу быть вертелом, как Прошка...

— Володя, что ты говоришь? — ужаснулась Анна Ивановна.— Ты только подумай, что ты говоришь!

— Ах, мама, там ужасно весело!..

— Ты умер бы там через три дня" с голода...

— А вот и нет! Я уже два раза ббедал с рабочими. Какие вкусные щи из солёной рыбы, мама! А потом — просевая каша с зелёным маслом... горошница...

Анна Ивановна пришла в ужас. Ведь Володя просто мог отравиться. Она даже смирела температуру у Володи и успокоилась только тогда, когда он принял ванну и сам попросил есть.

— Мама, если бы ты велела приготовить тёртой редьки с квасом!..

Володя оказался неисправимым. Пример Прошки решительно ничему не научил, кроме того, что он несколько дней старался устроить в своей детской гранильную мастерскую и наташил со двора всевозможных камней. Получилась почти совсем настоящая мастерская, только недоставало деревянного громадного колеса, которое вертел Прошка.

Перед рождеством Прошка перестал ходить учиться по воскресеньям. Анна Ивановна думала, что его не пускает Алексей Иваныч, и поехала сама узнать, в чём дело. Алексей Иваныч был дома и объяснил, что Прошка сам не желает идти.

— Почему так? — удивилась Анна Ивановна.

— А кто его знает? Нездоровится ему... Всё кашляет по ночам.

Анна Ивановна отправилась в мастерскую и убедилась своими глазами, что Прошка болен. Глаза у него так и горели лихорадочным огнём; на бледных щеках выступал чахоточный румянец. Он отнёсся к Анне Ивановне совершенно равнодушно.

— Ты что же это забыл нас совсем? — спрашивала она.

— Так...

— Тебе, может быть, не хочется учиться?.

— Нет...

— Какое ему ученье, когда он на ладан дышит! — заметил Ермилыч.

— Разве можно такие вещи говорить при больном? — возмутилась Анна Ивановна.

— Все помрём, сударыня...

Это было бессердечно. Ведь Прошка был ещё совсем ребёнок и не понимал своего положения. Под впечатлением этих соображений Анна Ивановна предложила Прошке переехать к ним, пока поправится; но Прошка отказался наотрез.

— Разве тебе у нас не нравится? Я устроила бы тебя в дюдской...

— Мне здесь лучше...— упрямо отвечал Прошка.

— Сударыня, ведь мы его тоже вот как жалеем! — объяснил Ермилыч.— Вот ему и не хочется уходить...

Анна Ивановна серьёзно была огорчена, хотя вполне понимала, почему Прошка не захотел уходить из своей мастерской. У больных является страстная привязанность именно к своему углу. И большие и маленькие люди в этом случае совершенно одинаковы. Потом Анна Ивановна упрекала себя, что решительно ничего не сделала для Прошки, не сделала потому, что не умела. Мальчик умирал у своего колеса от наждачной пыли, дурного питания и непосильной работы. А сколько детей умирают таким образом по разным мастерским, как мальчиков, так и девочек! Вернувшись домой, Анна Ивановна долго не могла успокоиться. Маленький вертел Прошка не выходил у неё из головы. Раньше Анна Ивановна очень любила драгоценные камни, а теперь дала себе слово никогда их не носить: каждый такой камень напоминал бы ей умирающего маленького Прошку.

А Прошка продолжал работать, несмотря даже на то, что Алексей Иваныч уговаривал его отдохнуть. Мальчику было совестно есть чужой хлеб даром... А колесо делалось с каждым днём точно всё тяжелее и тяжелее... От натуги у Прошки начинала кружиться голова, и ему казалось, что вместе с колесом вертится вся мастерская. По ночам он видел во сне целые груды гранёных драгоценных камней: розовых, зелёных, синих, жёлтых. Хуже всего было, когда эти камни радужным дождём сыпались на него и начинали давить маленькую больную грудь, а в голове начинало что-то тяжёлое кружиться,

точно там вертелось такое же деревянное колесо, у которого Прошка прожил всю свою маленькую жизнь.

Потом Прошка слёг. Ему пристроили небольшую постельку тут же, в мастерской. Ермилыч ухаживал за ним почти с женской нежностью и постоянно говорил:

— Ты бы поел чего-нибудь, Прошка! Экой ты какой!..

Но Прошка ничего не хотел есть, даже когда горничная Анны Ивановны приносила ему котлеток и пирожного. Он относился ко всему безучастно, точно придавленный своею болезнью.

Через две недели его не стало. Анна Ивановна приехала вместе с Володей на похороны и плакала, плакала не об одном, а обо всех бедных детях, которым не могла и не умела помочь.

Для младшего школьного возраста

Д. Н. Мамин-Сибиряк

ВЕРТЕЛ

Редактор *О. Казакова*. Художник *А. Белокин*. Художественный редактор *В. Иванов*. Технический редактор *Л. Андропова*. Корректор *И. Дудуева*

ИБ № 760.

Сдано в набор 11.09. 1981 г. Подписано в печать 20.09. 1982 г.
Формат 84x108'/16- Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Литературная».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,52. Усл. кр. отт. 7,97. Уч.-изд. л. 1,69.
Тираж 370 000. Цена 15 коп.Зак.Р-188Ср. Приволжское книжное издательство.
Саратов, пл. Революции, 15. Отпечатано с диапозитивов издательства
„Коммунист“